

БЕЖ
Рина

Неудержимый
НАХАЛ
и Я

Рина Беж

Неудержимый нахал и я

<https://litres.ru/74206914>

Аннотация

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки. – Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо. – Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки. – Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь. Я? С чего это я истеричка? С того, что он меня грязью окатил? От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает: – Садись, недоразумение, домой тебя отвезу. – Да иди ты к черту, водЯтел! *** Спасаясь от угроз злопамятного любовника, срочно прикрываю почти разрушенный им бизнес и уезжаю на малую родину. Мечтаю отдохнуть, зализать раны, начать жить сначала. Но дома вместо тишины и покоя поджидают неприятные сюрпризы. Порой опасные для жизни. Татуированный нахал, что постоянно появляется поблизости, неожиданно протягивает руку помощи.

✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены. ✓#Строго 18+
✓#ОДНОТОМНИК ✓#Хэппи-энд гарантирован

Содержание

Глава 1	4
Визуал	14
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки.
– Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо.
– Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки.
– Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь.
Я? С чего это я истеричка? С того, что он меня грязью окатил?
От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает:
– Садись, недоразумение, домой тебя отвезу.
– Да иди ты к черту, водятел!

Спасаясь от угроз злопамятного любовника, срочно прикрываю почти разрушенный им бизнес и уезжаю на малую родину. Мечтаю отдохнуть, зализать раны, начать жить сначала.
Но дома вместо тишины и покоя поджидают неприятные сюрпризы. Порой опасные для жизни. Татуированный нахал, что постоянно появляется поблизости, неожиданно протягивает руку помощи.

✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены.
✓#Строго 18+
✓#ОДНОТОМНИК
✓#Хэппи-энд гарантирован

КИРА

– Девушка, что вы творите? Вы что совсем в зеркала не смотрите? Вы какого черта стали сдавать назад?

Обрушивается со спины рокочущий обвинениями голос.

Распахнув водительскую дверь, выпрыгиваю на асфальт. Бросаю мельком взгляд на крикуна и иду к заднему бамперу своей машины, куда он косится.

Так-так-так... Разглядываю... мото-что-то.

Двухколесное странноватое нечто неопределенного цвета, из-за клякс и налипшей кусками грязи точно не разберешь, раскорячилось на асфальте аккурат позади моего мерса. И вот пойми – не то это транспорт, не то стасенный в кучу хлам для сдачи в металлолом.

Меня из-за этого недоразумения упрекают?

Хмурюсь, неторопливо проводя языком по верхним зубам.

Не хочется думать, что, отмотав семьсот с лишним километров, совершив практически подвиг – сев за руль в одиночку и проехав за ночь так много, преодолев страх, неуверенность, дикое волнение и коронное «не осилю» ... – пофиг, что реактивным топливом рвануть на такое гигантское расстояние послужили разбушевавшиеся эмоции, – я завалюсь на какой-то ерунде.

Точнее, ерунда завалится позади моей машины. А хозяин этой, хм, кучки будет возмущенно пыжиться.

Будто сговорились все!

Не иначе закон подлости. Других идей нет.

Расслабилась, называется, раньше времени. Увидела надпись родного города на табличке, в красках представила, как минут через десять въеду в до боли знакомый двор, припаркуюсь рядом с папкиным авто, взлечу, ну ладно, вползу, по лестнице на пятый этаж и крепко-накрепко обниму любимого родителя, как на тебе – попала в переделку.

Осматриваюсь вокруг. Лето. Солнце. Жара. Окей, про жару ныть пока рано. Припекать не начало.

Но суть в другом.

На часах семь утра. Воскресенье, чтоб его. Выходной день. На заправке кроме меня и этого недовольного никого нет. Кассирша на АЗС – не в счет.

А еще есть четыре колонки. Восемь заправочных мест.

Восемь, блин!

С какого ляда, спрашивается, этот ворчун, затянутый в кожу, своё *хрен-пойми-что* припарковал именно за мной? Да еще так близко прижал, почти вплитык – в слепую зону – что я, ни выходя со станции, не заметила, ни в зеркало заднего вида не разглядела.

Другого места не нашел, гад этакий?!

И, главное, когда успел всё проверить? Пока я в помещении у кассы была? Или на минутку в санузел отлучалась, руки и лицо сполоснуть?

Впрочем, не суть.

Он сделал. А мне разгребать.

Всё это и еще пара непечатных фраз мелькает в голове за доли секунд, я же, еще раз глянув на мужика и невольно скривившись – когда он снимает перчатки и расстегивает косуху, в глаза бросаются татуировки на кистях рук и шее – акцентирую внимание на... пусть будет – мотоцикле... и пытаюсь сообразить, что все же произошло?

Даже если представить, что я его задела бампером, то сделала это очень аккуратно. Так слабенько, что даже удара не почувствовала, как и отдачи от столкновения.

Я и тормознула-то лишь потому, что услышала в открытые окна неясный грохот и следом вопли этого... татуированного...

Отсюда вопрос. Так, может, этот стремный двухколёсник сам по себе грохнулся?

Ну а вдруг?

Ругаться жуть неохота. Заранее сыта по горло, как говорится. А разрулить побыстрее хочется. В идеале – по-человечески.

Потому поворачиваю голову к возмущающемуся водителю, надвигающемуся со стороны павильона АЗС, и со всей искренностью, которую в себе наскребаю, произношу:

– Ради бога, простите, – и добавляю, чуть помедлив. – Кажется, он сам упал.

– Когда кажется, креститься надо! – летит мне в ответ. М-да, начало многообещающее.

Стараюсь сильно не кривиться и перехожу к главному:

– Но никто ж не пострадал...

– Никто... – повторяет следом за мной ворчун.

Стягивает с головы шлем, и я с удивлением понимаю, что это не мужик, как предположила по мускулистой фактуре, а парень. Окей, молодой мужчина, успевший обжиться та-тушками и дурным нравом, потому что вместо раскуривания трубки мира он пренебрежительно так вопрошает:

– Может, я вам за это еще спасибо сказать должен?

Хам смеряет меня долгим оценивающим взглядом.

Скользит по лицу, шее, груди. Встает на паузу. Стекает ниже по животу к бедрам. Снова замирает. Ненадолго. Дальше по ногам до самых мысков летних туфель с открытыми носами, откуда выглядывают покрытые ярко-желтым лаком пальчики. Медленно возвращается вверх. К лицу.

Ухмыляется, будто меня голой заценивал, а не в платье и накинутой поверх него тонкой ажурной кофте. Последнюю пришлось надеть, чтобы скрыть синяки на руках.

Мысленно заставляю себя дышать ровно.

Не хочу конфликта...

Не хочу, честно...

Семь с лишним часов по неосвещенной большой частью ночной трассе и без того вымотали. Устала прилично. Потому единственное желание – поскорее разругать назревающий конфликт, доехать до отчего дома, упасть на кровать и вырубиться.

В тишине.

В покое.

В благоприятной обстановке.

И уж никак не воевать с взбухающим от недовольства неандертальцем из-за сущей глупости. Подумаешь, завалился его немывтый чудо-юдо. Ничего ж страшного не случилось. Жертв нет. Да и будем откровенны, на вид – это не мотоцикл, а так, полное фуфло, которому падение вряд ли грозит чем-то опасным. Может, у него подножка сгнила, вот собственного веса и не выдержал?

Оставляю умные мысли при себе, все еще мечтая разойтись миром, и, не повышая голоса, спокойно повторяю:

– Но он сам упал.

– Сам? Упал? – переспрашивает мотоциклист недовольно.

Подходит к своему двухколесному недоразумению. Осматривает.

– А это что? – тычет пальцем, на что-то указывая.

Делать нечего. Приближаюсь. С сомнением разглядываю небольшую черкотинку...

– Ну простите, конечно... – выдыхаю.

В первую секунду думаю, что развод. Тупая автоподстава.

Кошусь на свою машину, чтобы удостовериться – там все идеально, и кривлюсь – похожая царапина не оставляет шансов.

Зло берет. Желание быть милой – отпадает напрочь.

Оцениваю собственный ущерб из-за этого любителя притираться поближе к дорогим тачкам, и фырчу:

– Да один мой бампер дороже стоит, чем весь ваш драндулет в целом.

Кажется, мой оппонент в споре обалдевает.

– Драндулет? – переспрашивает хрипло после весьма продолжительной паузы.

И столько незамутненного удивления в глазах, куда деваться?..

Будто я его в лучших чувствах оскорбила, зацепив за живое. Покусила на святое и неприкосновенное.

– Я на мой драндулет сам заработал... в отличие от вас, – кидает он резко, глядя сначала на меня саму, а после на мой кроссовер.

– Что?

Приходит моя очередь недоумевать.

Он действительно сказал то, что сказал? Мне не послышалось завуалированное и так любимое мужиками слово «насосала»?

И будто читая мысли этот индюк расписной продолжает...

– Я говорю: не знаю, перед кем вы там своим бампером виляли, чтобы вам машину купили... и видимо вместе с правами... но зря тот чел это сделал.

Мне купили? За мой бампер?

Этот паразит совсем офонарел?!

Последние крохи терпения растворяются, как сахар в кофе.

Желания поспать – ни в одном глазу. Зато поставить за-

рвавшегося наглеца на место – хоть отбавляй.

– Да как вы смеете?! – обливаю его презрением вперемешку с негодованием.

Только без толку. Он и не смотрит.

Вытаскивает из кармана кожаной косухи телефон, жмет на кнопки, снимая блокировку, и озвучивает, что собирается делать...

– Всё, вызываем полицию...

Полицию?! Из-за какой-то фигни, которая на его рухляди и так незаметна?! Чтобы тут как минимум часа два-три проторчать?

Он идиот или как?

– Нет у меня времени на ваш драндулет...

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и топаю к водительской двери. Распахиваю ее, тянусь к сумочке, вытаскиваю кошелек.

Кажется, наличка в нем все же была.

Внутри клокочет так, что руки ходуном ходят. Да что там – всю потряхивает. Аж сердце в горле тарабанит.

Бампером я виляла... ну надо же! Высказался.

Да чтоб у него...

Слава богу, с наличкой не ошибаюсь. В отдельном кармашке на всякий случай засунуты три пятитысячные. Комкаю их гармошкой и так же стремительно как уходила, возвращаюсь к скандалисту, у которого язык без костей.

– Вот. Это всё, что у меня есть, – протягиваю ему деньги.

– Уберите, – отступает, не глядя.

– Нет уж, возьмите.

Сую снова.

– Я сказал: не возьму ваши деньги, – фыркает, отворачиваясь.

Поднимает свой драндулет с асфальта, ставит на подножку, садится на него и снова утыкается в телефон, клацая по виртуальным кнопкам.

Я что? Стена? Пусто место? Никто?

Вновь наваливается усталость. И вместе с ней злость.

Нервы окончательно сдают.

Брать он не хочет?! Ишь ты, баран упертый.

Только фиг я отступлю!

Подхожу ближе и с хлопком опускаю купюры на топливный бак...

– Нет, вы возьмете! – рявкаю, готовая в этот миг даже пойти дальше.

Нет, в задницу, конечно, не засуну, но в карман – да.

И, о чудо, наконец, он опять меня замечает.

– А... всё-таки я угадал, – усмехается презрительно, убирает гаджет в сторону и, не скрывая торжества в глазах, обличает. – Деньгами, дамочка, разбрасываетесь... Ну ясно, папик же еще подкинет...

– Что?

Зависаю на целую секунду. Или две... три... пять...

Папик? Он меня в содержанки определил? Насосалки?

Вот же паразит бессмертный!

Терпение лопается.

– Да что вы вообще можете обо мне знать? – вопрошаю, прожигая ненавистью. Ловлю наглую усмешку и припечатываю. – Хам!

– Стерва! – летит в спину.

Не желая слушать гадости, которыми и так сыта по горло, возвращаюсь к своей машине и забираюсь в салон.

Пошел он к черту!

Медленно. Быстро. Хоть приставными шагами. Пошел. Он. К чёрту!

Пусть вызывает кого хочет. Хоть полицию, хоть Президента, хоть папу Римского. Пусть сидит и всех их ждет, теряя время.

Мне всё равно. Я поехала.

Визуал

Кира Аркадьевна Мельникова, 32 года, по образованию бухгалтер. Вернулась из Питера домой из-за весьма неприятных обстоятельств.

Максим Олегович Чистяков, 27 лет будет в выходные. Стантер и не только.
Брутален, горяч и...

Глава 2

КИРА
Очень хочется выплеснуть клокочущее внутри негодование через агрессивную езду. Врубить колонки на полную мощь, вдавить педаль газа в пол и с пробуксовкой сорваться вперед. Так лихо и дерзко, чтобы оставшийся позади мужлан пыль глотал.

Но заставляю себя быть выше этих дурацких ребяческих поступков и плавно трогаюсь с места. Доезжаю до выезда на основную трассу и бросаю мимолетный взгляд в зеркало заднего вида. Сидит, все так подвисая в телефоне, и ухом не ведет.

Ментов вызванивает? Ну, удачи.

Права мне купили... Хм, надо ж было такую чушь ляпнуть. Хотя, если по себе судит...

К черту его!

Десять минут с остановками на паре светофоров, и вот я уже въезжаю в до боли знакомый двор.

Не была здесь два с лишним года. С тех пор, как мама умерла. А ничего практически не изменилось.

Те же кусты волчьей ягоды возле качелей. Маленький игровой комплекс из лесенок, горки и турникета с барабаном под ним, скрипящим на всю округу. Вот и сейчас какой-то мальчонка, усердно перебирая ногами, пытается его раскрутить, а по итогу лишь насилует уши окружающим пронзи-

тельным дребезжанием. И три широкие лавки, врытые буквой П, под раскидистой черемухой у соседнего подъезда.

Последние особо примечательны. На них мы еще ребятней с утра до ночи каждое лето резались в карты. А после тусили подростками. Даже когда выросли и в клуб стали бегать, на танцульки, как папка любил сказануть, нет-нет да собирались.

Поморщившись от скрипа, вызывающего зубную боль, — из-за духоты все окна в машине открыты — осматриваюсь. И зависаю. Надо с парковочным местом определяться, а свободных-то и не видно.

Всё кругом заставлено ровными рядами иномарок и кое-где выглядывающим советским автопромом. Даже под деревьями, где вместо асфальта давно утоптаный грунт. Исключение — промежутки с растянутыми веревками для сушки белья. А так — плотненько.

И это, пожалуй, именно то, что действительно изменилось. Раньше столько машин не было.

Заметив отцовского ровера в крайнем дальнем ряду и оценив обстановку, решаю встать рядом с ним и прижаться поближе. Сама вылезти смогу, другим проезд не перекрою. Да и папка точно не заругает, что миллиметровщицей подрабатываю. Он же меня сам, как никак, обучал правильной парковке. Так сказать, отшлифовывал навыки до идеала, когда в автошколе права получила.

Заглушив двигатель, покидаю салон. С заднего сидения

выхватываю дорожную сумку, одну из трех, в которых привезла большую часть своей жизни за последние несколько лет, и уверенным шагом направляюсь к подъезду.

Ключи, припасенные заранее, держу в руке. Домофоном не пользуюсь.

Папке сюрприз сделаю.

Надеюсь, радостный. Мы с ним пусть и немного отделились, каждый по-своему переживая кончину мамы, которую оба безумно любили, но связь не потеряли и по телефону несколько раз в месяц непременно созванивались.

Он мне про свой автосервис рассказывал, на который переключился, чтобы не закинуть от горя в четырех стенах, и рыбалку. Я ему про свой маленький недавно созданный бизнес – аутсорсинговую бухгалтерскую контору и мысли остаться в Питере насовсем. Как и о том, что стала присматривать квартиру и обдумывать возможность ипотеки.

Квартирку... м-да... есть бог на свете, и он меня удивительно вовремя от сделки отвел. Если б я все же впряглась в покупку и сейчас на мне висел кредит по жилью – не представляю, как бы крутилась. Однозначно, было бы в разы сложнее. А так... интересно, многие ли домой, в захолустье, из миллионников возвращаются?

Мотнув головой, отбрасываю лишние думы и вставляю ключ в замочную скважину. В последний момент все же решаюсь предупредить отца. А то вдруг решит, что грабители в личине скрывают, и дробовик возьмет. Будет нам и смех, и

грех. Жму на кнопку звонка.

Динь-дон еще оседает на барабанных перепонках, а я уже распахиваю дверь.

Вваливаюсь внутрь, затаскивая сумку, уже порядочно оттягивающую плечо. Пусть не гири, но шмоток я наложила внутрь достаточно. Громко оповещаю:

– Пап, это я, Кира.

Тишина в ответ не напрягает.

Может, спит крепко? Или на балконе?

Но то, что дома по-любому, даже не сомневаюсь.

Аркадий Львович у нас из тех редких людей, кто даже в булочную за хлебом в соседний дом на машине ездит, игнорируя пешее передвижение. Мамочка часто из-за этого над ним подшучивала, а он... а он соглашался: «Да, Леночка. Такой я у тебя ленивец», подмигивал и в щеку ее целовал.

Они у меня вообще суперродителями всегда были. Никогда не ругались. Всегда вместе за руку или под руку. С улыбочкой. Душа в душу.

А потом как гром среди ясного неба – онкология. Мама угасла буквально за несколько месяцев. И папка сдал. Постарел и ссохся.

Думала... ох, о плохом я тогда думала, что следом за ней уйдет, не сможет один. Но мама, она будто это предчувствуя, с него слово взяла – жить и внуков воспитывать. Он обещал. А она обещала его там ждать...

Шумно выдохнув, еще раз зову отца, а затем и обхожу

квартиру. Все три комнаты, кухню. Даже на балкон заглядываю. Пусто.

Нахмурившись, тянусь к телефону, чтобы позвонить. И тут сзади шорох.

Оборачиваюсь.

– Кирочка, это ты приехала? – соседка, баба Валя, чуть шаркая подошвами тапок, заходит в квартиру, дверь-то я не закрыла. Потирает руки и огорошивает. – А Аркаша-то уже дня три как в больнице.

Глава 3

КИРА

Запереть дверь, спуститься вниз, а не скатиться со ступеней кубарем, так как ноги дрожат. Завести двигатель, выехать, никого не зацепив, и не гнать.

Не гнать, Кира!

Даю себе мысленные установки и выполняю их одну за другой. Только бы не сорваться.

Маму потеряла. Отца – нет, еще и его не могу. Не могу.

Хуже всего неизвестность. Что в сочетании с отличным воображением – гремучая смесь. Баба Валя толком ничего сказать не смогла.

... Да, со здоровьем все было в порядке... Да, веселый, довольный. На рыбалку с мужиками в среду собирался на пару дней, ага, с ночевкой... Судака мне обещал поймать... Конечно, поехал... Нет, не на своей... Большая машина за ним пришла, черная вся, даже стекла... Сама в окно видела... А в пятницу с чужого номера позвонил, сказал в больнице лежит. И никаких подробностей, что уж там с ним произошло... Я ж тебе звонить хотела, а он велел не беспокоить, чтоб не нервничала... И мне приходить запретил, сказал, что помощник его все нужные вещи и лекарства привезет...

Ну и что обо всем этом думать?

Хорошее-то совсем в голову не идет. Зато дури – до пса...

Больница в городе единственная. Дорогу хорошо знаю. Доезжаю минут за десять. Тут и пешком напрямки – не больше пятнадцати топать. Но своими ногами сейчас – глупость несусветная. На адреналине, может, вперед и осилю, а назад?

Парковка пустая. Торможу у края и сразу вылезаю на улицу. В последний момент телефон и сумку захватываю.

К двери иду. Тяну на себя без задней мысли. А она не поддается.

Ни с первого, ни со второго раза.

Наверное, в этот момент только немного в себя прихожу. По сторонам осматриваюсь и замечаю то, что упустила. Народу вокруг – ни души. Город словно вымер.

Или спит?

Разблокирую экран телефона, проверяю время. Так и есть. Начало девятого. Вроде не так рано, но для воскресенья...

Черт! И сколько ждать?

Шарю взглядом по двери. Объявление о новых санитарных нормах, информация для инвалидов, услуги медсестры. Всё не то, пока в окне не замечаю искомое. Синяя табличка с белым шрифтом, расписывающим порядок посещения пациентов. В выходные строго с десяти до двенадцати и вечером с пяти до семи.

Вот же!

Растираю лицо руками и снова время проверяю, будто оно ради меня скачок совершит и полтора часа за секунду от-

щелкнет.

Нет, чуда не происходит.

И что теперь?

Домой возвращаться? Или ждать? И так и так изведусь.
Но вариантов...

– Мельникова, ты что ли?

В первый момент на окрик не реагирую. То ли срабатывает привычка большого города, что раз сама я никого не знаю, то и меня не знают, значит, и звать не могут. То ли внутренняя батарейка после сумасшедшей субботы и бессонной ночи садится.

– Кирюха, ёклмн! Зазналась что ли?

А вот на это оборачиваюсь.

– Пыжова? Рита? – прищуриваюсь.

И улыбаюсь. Обалдеть. Не сразу в пышногрудой красотке с густой гривой из рыжих спиралек удастся узнать одноклассницу, с которой не виделась туеву кучу лет.

Хорошенькая стала, глаз не отвести.

– Рита-Рита, – смеется она, приближаясь, чтобы обнять.
– Привет, дорогая! Какими судьбами в нашей деревне очутилась? Мне ж говорили, что ты в большой город с концами перебралась.

– Ну как перебралась, так и вернулась, – отмахиваюсь, – а ты? Сама ж в Тверь умотала учиться.

– Так закончила уже и по распределению сюда вернулась, – кивает на здание больницы, – анестезиолог-реаниматолог

я, Кир.

Ого! Вот так удача!

Неужели белая полоса наступает? Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Ритка, ты ж моя прелесть! – хватаю ее за руки и несильно стискиваю. – Спасай, подруга. Помощь твоя очень-очень нужна.

– Папка, ну, что ж ты такой невезучий-то, а? – вопрошаю, стараясь, чтобы голос звучал строго и решительно, а не как у мямли сопливой.

До сих пор не верится, что сумела к нему прорваться. Да еще не в приемное время. А практически сразу. До девяти утра.

Спасибо за это Ритуле, которая, услышав, что мне нужна помощь со встречей с отцом, не стала долго канителиться и задавать сотню ненужных вопросов. Вообще ничего лишнего делать не стала. Лишь уточнила:

– Звать его как?

– Мельников Аркадий Львович.

– Ага, ясно, – кивнула, откладывая в памяти, и скомандовала. – А ну-ка пойдем за мной.

И первая решительно двинулась в сторону двери.

– Заперто же, Рит, – уведомила ее негромко.

Вдруг не в курсе. Я-то проверяла. На что Пыжова даже

бровью не повела.

Приблизилась к ранее незамеченному мною звонку, что совсем неудивительно, кто-то додумался выкрасить его в темно-синий цвет, как раз под тон стеновых панелей, которыми судя по свежести совсем недавно обшили крыльцо, и трижды коротко вдавила кнопку.

– Сейчас откроют, – заявила уверенно, отступая на шаг.

И оказалась права.

Не прошло и пары минут, как щелкнул засов и дверь распахнулась.

– О, Маргарита Сергеевна, вы уже пришли? Доброе утро, – пряча зевок в кулаке, поздоровалась, судя по виду, медсестра.

Светло-салатовый комплект спецодежды, состоящий из брючек и рубашки с застежками под горло, и резиновые тапочки подсказали именно об этом.

Женщина лет сорока с хвостиком тут же отступила в сторону, открывая проход и добавила после короткой паузы.

– Я думала, вы сегодня позже будете. Выходной все-таки, да и вчера, считай уже сегодня, вы только ночью домой ушли из-за внеплановой.

– Ничего, Ань, выпалась. Привет, кстати, – доброжелательно улыбнулась ей Рита и кивнула в мою сторону. – Это со мной, пропусти, пожалуйста.

Меня мельком осмотрели, будто только после прямого упоминания увидели, буркнули «здрасьте» на такое же тихое

приветствие и милостиво позволили войти.

Еле сдержалась от облегченного выдоха, преодолев непреодолимый в ближайшее время рубеж. И только переступила порог, тут же услышала, как за спиной с громким хлопком закрылась неприступная дверь, а следом клацнул засов.

Вот же неприступная крепость. Но, главное, я уже была внутри.

Дальше, словно по волшебству, всё завертелось. Рита проверила журнал регистрации и узнала, где конкретно лежит мой отец. Анна без кислых кривляний выдала халат и бахилы. Девочки дождались, когда я переоденусь, и дружно потопали на второй этаж.

Я за ними хвостиком.

Только там мы с Ритой разделились. Она пошла в свой кабинет, пообещав заглянуть к отцу чуть позже, как закинет вещи и переоденется. А медсестра повела меня к нужной палате.

Сразу не пустила, убедилась, что все четверо больных уже проснулись, только после этого дала добро.

– Вы, главное, не шумите, – шепнула негромко, но строго, – а то у нас сегодня Палевич – дежурный врач. А он – мужик с тараканами. Если не с той ноги встал, может прицепиться из-за часов посещения. И это... сами никуда не выходите. Ждите Маргариту Сергеевну.

– Конечно-конечно, – кивнула пару раз, давая понять, что адекватная и глупостей делать не собираюсь, после чего шеп-

нула. – Большое вам спасибо, Анечка.

И вошла в палату.

Тихонько всех поприветствовав, убедилась, что ворчать из-за моего появления мужчины не планируют, и удивленно проводила их взглядом, когда они один за другим похватали полотенца и пошли к выходу.

– Умываться пора, – подмигнули моему батьке и были таковы.

Я же тоже к нему повернулась. Заглянула в родные серо-зеленые глаза, один в один как мои собственные, и, прикусив губу, чтобы не разреветься, стала приближаться.

К родному.

Любимому.

Немного постаревшему и осунувшемуся.

Но, как всегда, самому лучшему папке на свете.

Присела на краешек, подчиняясь его молчаливой просьбе, схватила за сухую жилистую руку и задала тот самый вопрос:

– Папка, ну, что ж ты такой невезучий-то, а?

По-другому озвучить свое удивление не получается.

Ну а как?

Если лежит он с двумя закованными в какие-то металлические жуткие конструкции ногами, в остальном же совершенно невредимый.

И вот он смотрит на меня, как на восьмое чудо света, –

явно не ждал, — а после рассказывает какую-то невероятную сказку.

— Кир, сам не верю, но я просто поскользнулся на мокрой траве. И всё.

— В смысле — всё?

— Рухнул и получил открытый перелом обеих ног. А так как это случилось на острове, куда мы высадились, чтобы там же порыбачить и заночевать в палатках, а еще и все выпили понемногу, я решил не портить мужикам отдых. В общем, перемотал голени бинтом и лег спать. А в больницу попал только на следующий день.

— И? — уточняю не совсем понимая, почему у отца тогда не гипс, а нечто страшное. Ведь попал же к врачам, пусть и через сутки.

Ответ дает вошедшая в палату Рита.

— Кирюсь, тут видишь ли какое дело, — трет указательным пальцем кончик носа. — Твой отец обратился к нам, когда в его раны уже попала инфекция. Пришлось проводить экстренную операцию и устанавливать ему аппарат Илизарова, позволяющий сопоставить и правильно срастить все отломки.

Слово «ужас!» в очередной раз проглатываю. Уточняю по факту:

— И сколько ему теперь так мыкаться?

Киваю на притихшего горе-рыбака.

— Ну, придется ходить с аппаратом около двух месяцев.

Кроме того, проводится антибактериальная терапия. Так что, долго мы с Аркадием Львовичем будем общаться.

Пыжова довольно подмигивает папке, а тот помалкивает, хотя бывает резок на ответы, и лишь глаза закатывает.

Правда, гримасничать резко перестает, когда я сообщаю ему новость, что приехала не на пару денечков, чтобы навесить, а насовсем.

– Кир, что случилось? – дергается он, хмурясь, и старается принять сидячее положение.

Тщетно. Рано пока.

Поправляю ему подушку и плавно с темы съезжаю:

– Всё в порядке. Просто планы изменились, я тебе потом расскажу, – улыбаюсь и следом громко и широко зеваю. – Слушай, пап, я ведь только час, как в город заявила. Всю ночь за рулем провела. Не против, если поеду отсыпаться?

Идею он мигом одобряет и предупреждает, что ждет с пяти до семи вечером.

Обещаю быть, как штык, и с облегчением выдыхаю. Точно знаю, что за время сна непременно придумаю какую-нибудь лайт-версию своего бегства из Питера.

Глава 4

КИРА

Как только голова касается подушки, все мысли из нее испаряются.

И намерение забежать к соседке, рассказать, что папка пусть не совсем здоров, но жив, слава богу. И обещание позвониться с Ритой, когда вечером буду в больнице. Она на работе до семи, а после предложила нам с ней где-нибудь вместе посидеть. И необходимость поднять наверх оставшиеся в машине вещи. И план закупки продуктов, дома в холодильнике шаром покати, а надо что-то к ужину домашнее приготовить, побаловать любимого больного. И, кажется, еще что-то в котелке крутилось, но что...

Думать не хочется от слова «совсем».

Всё становится вторичным, сон важнее. Хочу-хочу-хочу.

С тихим стоном переворачиваюсь на живот и вытягиваю ноги. Подгребаю повыше подушку, обнимаю как самую любимую вещь в мире и расслабляюсь.

Как же хорошо-то, а?

Закрытые глаза – это так здорово и комфортно, что удивительно, как кому-то нравится держать их открытыми. И подушечка-то мягкая, пуховая, и пледик легонький, к телу приятный, м-м-мм... блаженство...

Отключаюсь.

Из сонной дремы вынырываю рывком. «Туц-туц-туц! Файя-я-я...!!!» – не оставляет шансов.

Тянусь к верещащему дурниной телефону, на котором сама же установила зубодробильную мелодию на будильник, иначе фиг встану, и на ощупь пытаюсь вырубить. Вторая попытка становится удачной, и от возобновившейся тишины чуть вновь не сдаюсь Морфею.

Нельзя. С трудом смаргиваю пелену и проверяю время.

Пятнадцать ноль-ноль и ни капель меньше.

Ничего себе, пять часов сна как один миг.

И всё равно мало.

Тело вялое. В голове туман. Отдохнуть не успела.

Горестно вздохнув, прищуриваюсь, настраивая резкость и еще раз проверяю цифры. Не-а, не меняются. Надо вставать.

Но прежде... переворачиваюсь на спину, чтобы было удобнее рукам, и, клацая по кнопкам, отключаю активные повторы будильника.

О да, я из тех людей, кто с первого раза не всегда просыпается, поэтому ставит себе три сигнала подряд, срабатывающие с периодичностью в пять и десять минут. Для подстраховки. И подстраховки подстраховки, чтоб наверняка, еще и с разными мелодиями.

– Давай, Кирюсь, ты можешь, – подбадриваю себя, не переставая зевать и мысленно мечтать о продолжении горизонтального положения тела, в котором я смотрюсь просто идеально, кто б не вздумал убеждать в обратном.

Сползаю с кровати и, стараясь не собрать углы, – все же отвыкла от родительской квартиры и ее забитости мебелью – тащу себя в ванную. Вся надежда на контрастный душ, который непременно должен взбодрить.

Так и случается.

Бодрит он мощно. И еще как.

Аж до визга.

Но тут сама виновата.

Забыв, что горячей воды в этом городе нет и никогда не было, лишь холодное водоснабжение, а чтобы ее получить, надо заранее на кухне включить газовую колонку, про которую я благополучно не вспоминаю до поры до времени, единственным движением выкручиваю вентиль с красным кружочком и... попадаю под поток ледяной воды.

Отличный такой. Мощный. И освеж-ж-жающий.

Уф! Фыркая и трясаясь от холода, выскакиваю из ванны резвее дикой кошки, ненавидящей купание.

Пипец полный!

Забываю и про полотенце, которое не захватила, и про то, что с мокрыми ногами по кафелю передвигаться опасно – можно поскользнуться и шею свернуть. Про все на свете позабыв, вылетаю из ванной в коридор и только там тормознув, шумно выдыхаю.

А после смеюсь.

Почти до слез.

И вместе с тем облегчения.

Наконец мозги встают на место, включаясь. Я осознаю себя дома. Дома, где и стены помогают! Напряжение последних дней отпускает, как и переживания за отца. На смену неуверенности приходит понимание, что я со всем справлюсь. Выплыву, сдюжу, разберусь.

Не одна же, в конце концов.

Право слово, подумаешь, мужик оказался не мужиком, а козлом. Еще и женатым. Подумаешь вместо извинений, что узнала его грешок, драться полез, а после, чтоб уж наверняка доказать свою дерьмовость, перекрыл моему бизнесу кислород.

Ничего. Справлюсь. И все у меня будет хорошо.

Я ж не слабачка. Никогда ей не была. И впредь не стану.

От мысленной самотерапии становится легче. Как подтверждение, по телу разливается необходимая бодрость и желание действовать.

До пяти вечера успеваю сбегать в магазин, закупиться и приготовить ужин, самый обычный, но самый любимый папкой – жареную картошечку с луком и жареную рыбу. Заскочить к бабе Вале и рассказать последние новости. Поднять вещи, перекусить, и собрать котомки с контейнерами к отцу. А в три минуты шестого припарковать у больницы мерс.

В этот раз двери оказываются нараспашку. Заходи, кто хочешь.

Я и захожу. До палаты на втором этаже добираюсь без проблем. И сразу к батьке.

– Ох, точно Кирюха моя, приехала. Не приснилось, значит, – встречает он меня теплой улыбкой и широко раскрытыми объятиями, в которые без раздумий ныряю.

– Приснилось? – переспрашиваю, чуть отстраняясь.

– Дочь, не веришь, но, грешным делом, решил, что твое утреннее появление лишь мираж. Что поделать, старость – не радость.

– Ну какая старость, па?! – хмыкаю, выпрямляясь и перехватывая широкие сухие ладони. – Тебе пятьдесят восемь всего.

Глава 5

КИРА

Папка с таким зверским аппетитом набрасывается на мою совершенно неприхотливую стряпню, ест и нахваливает, будто я ему не обычную картошку и жареный минтай принесла, а, как минимум, ресторанное блюдо «Радужная форель на гриле с овощами, запечёнными в сливочно-соевом соусе».

– Приятного аппетита, – улыбаюсь, довольная, как слон. Ему вкусно, это самое главное.

– Угу, – кивает, усердно работая вилкой.

Пока он уминает ужин, осматриваюсь и, достав телефон, делаю пометки, что следует принести в следующий раз.

Запасное полотенце обязательно. То, что висит на перекладине кровати, выглядит несвежим. Коробку с салфетками, чтобы было удобно брать, и те не разлетались. Любимую чашку. Глиняную, темно-коричневую снаружи и светлую изнутри, вмещающую в себя чуть ли не пол-литра за раз. Серое стеклянное нечто с красными разводами, стоящее на тумбочке, отцу явно не нравится. Не зря ж отставил на дальний край, а ближе придвинул самый обычный граненый стакан.

Да, папуля у меня – еще тот консерватор в вещах. Сколько себя помню – всегда пил кофе и чай из одной и той же посуды. Любимой пузатой чашки. И как мама не старалась,

предлагая ему ее заменить, ответ был один... Леночка, солнце, ты себе, конечно, меняй. Я только рад буду. А мою не трогай, пожалуйста, она идеальна... И хоть тресни.

От душевных воспоминаний уголки губ на секунду взлетают вверх. Замечательное было время, счастливое. А сейчас...

Нет, не стоит хандрить. Сейчас тоже все хорошо. Я жива-здорова, Папка тоже огурцом, а ноги вылечим, еще бегать будет пуще прежнего. Заживем.

Дав установку, вновь возвращаюсь к делу. По еде: стоит купить питьевые йогурты и бананы. Последние отец обожает. Вон, на тумбе, только один остался, зато яблок и апельсинов чуть ли не по килограмму. И вряд ли съест. Еще обычной воды без газа. Полбутылки осталось. Этого мало.

Напротив ноутбука, пауэрбанка и книг ставлю знаки вопроса. Требуется уточнение.

Дальше медицина.

– Па, по лекарствам как? Список давали? – интересуюсь, когда он убирает в сторону контейнер и тянется к стакану с водой.

– Саныч купил, и я сразу сестричкам отдал, – рапортует, вытирая рот салфеткой. – Мне-то куда?

Ясно. Киваю самой себе, но на всякий случай все же уточняю:

– Ветров?

Помощник у отца всегда был один. Не менялся лет сто. По

крайне мере, мне ничего об этом не известно. Но кто знает.

– Ага, он.

Уже легче. Я дядю Сашу с юности знаю.

Начинали они с батей бизнес вместе. Только папка тогда бабушкину квартиру продал, чтобы начальный капитал для развития иметь. А Сан Саныч рисковать не захотел, потому пошел к нему простым помощником на зарплате.

– Слушай, па, – вдруг вспоминаю еще одну вещь, – а с телефоном что? Я ж тебе утром дозвониться не могла.

– Глючит что-то он, Кир. Сам собой вырубается, хотя зарядка вроде есть. Да я еще так много сейчас сплю из-за лекарств, что частенько и не замечаю проблемы.

Угу. Проблему надо решить.

Вношу очередной пункт, что гаджет отцу нужно купить новый, и следом уточняю про остальную электронику. Все же он – хозяин крупного автосервиса. Текучка, отчетность, банк. Быть в курсе – святое дело.

– Дочь, я Саныча на хозяйстве оставил, – отмахивается Аркадий Львович с таким видом, что я невольно улыбаюсь: пан-директор, не меньше. – С графиком смен и акт-нарядами уж справится. А по банку, сама знаешь, без смс-ок ничего он потратить не сможет. Так что всё в порядке, не волнуйся.

Ну, в принципе, да, прав. Сильно накосячить тот вряд ли сумеет. Не в чем. Бухгалтерию отца по отчетности веду я, сданные периоды всегда закрываю, чтобы батяня случайно не мог их удалить или изменить, а первичка – в ней разобрать-

ся несложно. Если у Сан Саныча возникнут проблемы, без вопросов проконсультирую.

– Хорошо, па, как скажешь. Но к Ветрову все же наведаюсь. Скажу, что в городе теперь, и, если надо, всегда буду рада ему помочь. К тому же на мурзике пора масло менять.

– Вот завтра же и езжай. Мужики тебе всё в лучшем виде сделают, – напутствует отец, а затем, за пару мгновений став серьезным, командует. – Ну а теперь рассказывай.

Вот так всегда. От улыбки до строгости – лишь шаг.

– Да особо нечего, – отмахиваюсь. – Расстались мы с Евгением, вот и все новости.

Родитель сдвигает брови вместе, отчего на лбу образывается глубокая складка, смотрит, не мигая.

– И поэтому ты домой насовсем рванула? Из города, который так любила? – не верит.

И правильно делает. Только ни за что ему в этом не сознаюсь.

– А что такого? Я подумала, и к тебе решила вернуться. Или ты против? – демонстративно поджимаю губы, ловко переводя стрелки.

– Нет, роднунь, я-то рад, очень, – принимается убеждать меня батька. Даже за руку берет. – Только... – цыкает, мотнув головой. – Кирюш, этот твой Лазарев, что? Кобелем оказался? Изменил, да?

Вот так. Не в бровь, а в глаз попадание.

– Ага, угадал, – соглашаюсь.

А мысленно добавляю, что изменил мне этот кобель ни один раз, а много. И не абы с кем, а со своей законной женой. С которой в церкви венчался. Урод.

– Ну и черт с ним, – эмоционально рубит рукой папка, – хорошо, что замуж за него выскочить не успела.

– Это да, – поддакиваю.

А ведь реально мечтала. Дура. Наивная.

И пока я слегка рефлексирую, отец уже переходит к словам поддержки.

– У нас тут, ежели что, тоже нормальные мужики есть. Ты, дочь, не волнуйся. Найдешь свое счастье. Я ж маму нашу нашел. А ты вся в меня, так что не унывай.

Из больницы выхожу ровно в семь, как только заканчиваются часы посещения. Пыжова ждет на крылечке.

– Ну что, подруга, идем отмечать встречу? – кивает в сторону аллеи.

– Я на машине, Ритуль, лучше поехали.

Глава 6

КИРА

Дорога не занимает много времени, но и в пути мы не молчим. Обговорив, в каком направлении двигаемся, переключаемся на одноклассников и делимся информацией, кто кого в последний раз видел.

– Наташка Смирнова в Москве живет, на новогодних с ней случайно на Невском пересеклись, – припоминаю я с улыбкой. – Главбухом в строительной фирме работает. Местом очень довольна.

– Да, она у меня в друзьях в соцсетях есть. Видела фотки из офиса, – кивает Рита. – А Ленка Иванова – парикмахер, представляешь? Кстати, очень востребованный. Я у них в салоне недели две назад ногти делала, так у нее очередь чуть ли не на месяц вперед.

– Молодец, – соглашаюсь. – А Мишка Прохоров в Ярославле служит. Военный. Только, кто по званию, не помню. Мы с ним случайно в телеге нашли. Макаров, знаю, что в Твери. Кажется, жена оттуда.

– Ого, не в курсе. Я из пацанов только про Ушакова могу рассказать. Он теперь начальник нашего коммунального хозяйства. Назначили недавно.

– Шутишь? – припоминаю ленивца-троечника, вечно спящего на уроках.

– Нисколечко, – заверяет Ритка и следом уморительно надувает щеки, а руками рисует вокруг живота шар. – Ой, Кир, ты б его видела. Раскабанел так, мама дорогая. Я их с пассией в торговом центре на днях наблюдала. Идет такой пухленький, важненький, пузико вперед, шнопак вверх, как пингвинчик, с ноги на ногу переваливается. Сто пятьдесят килограммов понтов, а то и больше. И рядом его королева с ним под ручку на ходулях гарцует. «Котик, купи шубку! Котик, хочу шиншиллу!» Прикинь, по лету. Молодец, Федя. Экономную бабу выбрал.

– Гхм, с шубой из шиншиллы-то? Ну да, – соглашаюсь, качнув головой. – Экономную, точно.

Переглядываемся и, не сговариваясь, прыскаем со смеху. Незаметно добираемся до ресторанчика. Паркуюсь без проблем. Свободных мест предостаточно.

Вылезаем. Осматриваюсь. И понимаю, что мне как-то сразу и однозначно здесь нравится, хотя приехала впервые.

– Меньше года назад «Теремок» открылся, – рассказывает Рита, замечая, как я все с интересом разглядываю.

А ведь есть, на что посмотреть.

Прибрежная зона. Никаких жилых домов. Вокруг только зелень и большая территория, вымощенная брусчаткой. Кованный забор и фасад одноэтажного здания в гирляндах теплого желтого цвета. Круглые столики под огромным навесом и кресла из ротанга. На пеньках вырезанные из цельного дерева фигуры животным.

Очень красиво.

А вид на реку какой изумительный. Не передать.

– Предлагаю посидеть внутри. Там кондиционеры.

От предложения Риты не отказываюсь.

– Давай.

Не вижу смысла спорить и прохожу следом за ней внутрь.

И там мне нравится ничуть не меньше.

Темное лакированное дерево, хитро зонированное пространство, огромная барная стойка с высокими стульями, приглушенное сложное освещение и скатерти. Не одноразовая синтетика или клеенка, а настоящий лен.

Не отказываю себе в удовольствии провести по нему ладонью, когда улыбчивая девушка, ненамного старше нас, приводит нас к столику на двоих.

Спустя десять минут делаем заказ. Обе останавливаемся на безалкогольных напитках. Я – понятное дело – за рулем. Рита, потому что завтра рано утром снова на смену. Из еды выбираем сырную тарелку и брускетты с красной рыбой. Чуть помедлив, Пыжова добавляет к заказу пасту «Карбонара».

– Ты ж не против? Боюсь, что бутерами не наемся, – кукусит она печальную моську.

– Рит, глупости не говори, – отмахиваюсь, по привычке поддерживая рукава кофты вверх. – Ешь столько, сколько нужно. И на меня не смотри. Я ж из дома. Пока батьке готовила, сто раз перекусить успела.

Улыбаюсь, договаривая, и не сразу замечаю, на что направлен взгляд подруги.

– Кир, это что? – не выдерживает она первой, когда наши взгляды все-таки пересекаются.

Мысленно даю себе оплеуху, чтобы не расслаблялась. Возвращаю рукава кофты назад, скрывая почерневшие уже синяки, и, пожав плечами, сознаюсь:

– А это, Ритуль, я одного кобеля на путь истинный неудачно вернуть хотела. Сама же, дурочка, и поплатилась.

– Поделишься?

Еще несколько часов назад я твердо была уверена, что о таком позоре никому никогда не расскажу. Надо ж было так лохануться. Стыд и срам. В женатика вляпалась. А сейчас, глядя в участливые глаза Пыжовой, понимаю, что хочу открыться.

А вдруг полегчает?

– Ко мне неделю назад в офис молодая женщина пришла. Представилась, как Лазарева. А я, бестолковка, услышала, что она «от Лазарева», – считываю на Ритином лице непонимание и поясняю. – У моего мужчины, с которым я полгода встречалась, такая фамилия. Женя мне иногда помогал. Моя фирма бухгалтерские услуги оказывает. Вот он и направлял ИП-эшников и ООО-шников, если им аутсорсинг подходил.

Усмехаюсь на собственных словах «мой мужчина» и, смежив, веки, качаю головой.

Вот же наивная куропатка.

Мой.

Евгений Петрович Лазарев оказался таким же моим, как общественный сортир у станции метро. Тот тоже многие своим мнят. И контора, что установила и бабло рубит, и посетители, которые на пять-десять минут внутри застревают, пока нужда того требует.

– Оказалась не клиентка? – легко догадывается Рита.

Она подается вперед и накрывает мои руки своими.

Только тогда замечаю, что за время короткого признания успеваю порвать салфетку на мелкие кусочки, устроив на столе мини курган.

– Мгу, – подтверждаю кивком. – Это оказалась жена Лазарева. Любовь. Да еще глубоко беременная.

– Вау.

– Не то слово, – соглашаюсь, а дальше кратко, но емко обрисовываю всё, что случилось после.

И то, как мы с Любой неплохо пообщались. Умудрившись обойтись без оскорблений и выдергивания друг у дружки волос. Как я напоила ее сладким чаем с печеньем и покаялась, что ни сном, ни духом не ведала о кобелизме Женечки. Ведь реально не ведала! Иначе – ни в жизнь!

И то, что, кипя возмущением, поехала к нему на квартиру, которую он, оказывается, снимал, чтобы там встречаться с такими недалекими идиотками, как я. Как пыталась устыдить этого охреневшего примата, а, поняв, что бесполезно, просто уйти. В итоге отбивалась от изнасилования, потому

что озверевший Женечка, вместо того чтобы найти в себе в совесть, откопал неумную похоть и решил меня трахнуть. По жесткому.

До сих пор от бешенства, мелькавшего в его полубезумных глазах, кожа мурашками покрывается. А еще вспоминается, что спаслась почти чудом. И как он угрозы вслед орал.

– Он же не успел тебя, Кир... – испуганный тон Риты воронкой засасывает в реальность.

Подруга не договаривает, но я и сама понимаю, о чем речь, когда она обегает внимательным взглядом всю меня.

– Нет. Не успел, – заверяю её серьезно, потирая запястья. Дожидаюсь, когда официантка накроет на стол, только после этого добавляю. – Вот только на руках синяки оставил, да головой о стенку разок приложил, когда из квартиры пыталась выскочить.

Судя по Риткиному очумелому лицу, подруга явно обалдевает от того, как весело я живу. Впрочем, я и сама обалдела, поняв грандиозность задницы, в которой оказалась, связавшись с Лазаревым. А дальнейшие действия этого психа подсказали, что расслабляться и впечатляться мне некогда, лучше поскорее паковать чемоданы и уносить ноги из Питера. Пока жива-здоровая.

Оттого и рванула я в ночь, как все разгребла и ключи от съемной квартиры хозяйке сдала.

– Кир, а заявление?

Желание Маргариты помочь греет душу, вот только...

– Какое заявление, Ритуль? Смеешься? – отмахиваюсь. – Он – шишка в СО-банке. Никто не станет с ним связываться. А если я начну упорствовать, так себе же хуже сделаю. Они на меня за клевету всех собак спустят.

– Но как же? Ведь можно...

– Нет, – перебиваю. – Он уже себя проявил, как тот, кто ни перед чем не остановится, если его разозлить.

Теперь моя улыбка становится горькой.

Перехватываю непонимающий взгляд Пыжовой и добавляю:

– Представляешь, две трети клиентов моей фирмы отказалась от бухуслуг уже через сутки после наших с ним разборок.

Рисую пальцами в воздухе кавычки. Разборки. Слово-то какое. А по факту было лишь избиение младенца. Меня. Так сказать, получала очередной опыт ускоренным путем.

– Они мне еще отзывы такие накатали, что рейтинг фирмы с 9.2 скатился до 3.8. Фактически я стала лузером. Так что еще через пару дней на обслуживании моей конторы остался только сервис отца и небольшое ООО. И то, наверное, потому, что не в СПб, а в области зарегистрировано, да декларации сдает нулевые.

– Хренасе... он твой бизнес, выходит, потопил?

– Угумс, – киваю и заканчиваю печальную историю. – У меня две девочки в помощницах работали. Так они сами заявление на увольнение накатали, даже ситуацию объяснять

не пришлось. Им Женечка позвонил, пригрозил: не уволят-ся добровольно, вообще ни где работать кроме как поломой-ками не смогут.

– Вот урод!

– Не то слово, – соглашаюсь, а затем не сдерживаю смеш-ка. – Правда, он себя ресурсным мужиком считает.

Цыкнув и тихонько матюгнувшись, Рита успевает прой-тись острым язычком по поводу ресурсных мужиков в целом и с силиконовыми мозгами в отдельности, а после поднять тост, чтобы последние обходили насдесятью дорогами. Я с радостью ей поддакиваю. Делаю глоток из запотевшего фу-жера и чуть не давлюсь, когда слышу:

– Не рыпайся, цыпочка. Иначе хуже будет.

Моей шеи касается что-то холодное.

Глава 7

КИРА

– Славка, ты совсем идиот! – ругается Рита спустя всего пять минут после того, как я чуть не отдаю богу душу, и уже не в первый раз тянется через стол, чтобы треснуть парня по плечу. – А если б у Киры инфаркт случился?

– Ну, простите, девчонки. Я думал, весело будет, – проговаривает младший брат Риты, старательно изображая раскаяние.

Только плохо он старается. Хитрющие искорки в карих, как у сестры, глазах, выдают этого веселого шалопая с головой.

Вот же... приколист. Что мелкий был, что сейчас.

Во все глаза разглядываю парня, которого не видела пятнадцать лет. С того момента, как окончила школу. И припоминаю, что в тот год, когда мы с Ритой получали аттестаты за одиннадцатый класс, Вячеслав только прощался с начальной школой.

И если бы он к нам сам сегодня не подошел, клянусь, ни за что б его не узнала.

Еще бы. Тогда он был мелким тощим почемучкой, везде следующим хвостиком за сестрой и обожающим печенье в шоколадной глазури, которым я его зачастую подкармливала.

А теперь предстал молодым мужчиной. Крепким, рослым, возмужавшим. Выше меня, как минимум, на голову и точно раза в два шире в плечах. Ах да, еще с густой растительностью на лице, отращивать которую в последние годы у мужчин стало особой фишкой.

– Какие девчонки, Слав? – усмехаюсь, наконец, отмирая и убирая ладонь от груди, где совсем недавно неистово колотилось сердце. – Прикалываешься? Мы с Ритой давно четвертый десяток разменяли. Так что уже тётки.

– Тётки? Чушь не гони, – совершенно не проникается моими словами парень и указывает куда-то мне за спину. – Да вас с сестрой от наших девчонок не отличишь. Особенно тебя, Кир, в таком прикиде.

Осматриваю свои голубые джинсы и желтую шифоновую блузку на стоечке, с черным игривым бантиком из тесьмы, белые кроссовки на ногах, затем оборачиваюсь туда, куда махнул Пыжов.

Да, пожалуй, прав. Сходство есть. Две из трех девушек тоже в джинсах и цветных футболках. Единственное, что меня отличает – кофта с длинным рукавом. Но пока мне от нее не избавиться.

– Спасибо за комплимент, мелкий, – припоминаю его давнюю кликуху, которая сейчас кажется безумно смешной.

Его габариты и мои – небо и земля.

– Мелкий... – повторяет Слава, оценивая подкол, и, широко улыбнувшись, без малейшего стеснения придвигается

ко мне ближе. – Иди сюда, крупная.

Разводит руки в стороны и, когда я к нему подаюсь, приобнимает меня за плечи.

– Тоже не забыл? – не скрываю радости в голосе, обнимая его в ответ и поглаживая пару раз по спине.

Именно так мы с Пыжовым в прошлом здоровались.

– Нет, не забыл, – отвечает вместо брата Рита. Ловит мой вопросительный взгляд и признается. – Я когда ему днем звонила, рассказала, что тебя встретила. Так он сразу ваш обмен любезностями припомнил.

– Угу. И очень захотел увидаться, – добавляет Слава, выпуская меня из объятий. – Даже своих ребят уговорил сюда на минутку заскочить, хотя нас уже в другом месте ждут.

– Снова гонки? – интересуется сестра, вновь хмуря брови.

– Всего лишь тренировочный заезд, – поправляет ее брат и следом уговаривает. – Не нервничай, Рит, я буду аккуратен.

Гляжу на одного, на другого, мысленно пожимаю плечами, так как не понимаю, о чем речь, но решаю позже узнать, а когда их переглядки заканчиваются, благодарю Пыжова:

– Спасибо, Слав, что подъехал. Мне приятно. Даже очень.

Вот уж не думала, что кто-то будет так рад меня увидеть, что откорректирует свои планы. Папа не в счет.

– Было б за что, Кир, – отмахивается.

На секунду отвлекается на своих друзей и делает им знак, что через минутку освободится. Те уже несколько раз его зовут. Особенно усердствуют девчонки, хмуро поглядывая в

нашу сторону.

А после вновь обращается ко мне:

– Ты как сюда, Кир? Надолго?

– Решила, что насовсем, – пожимаю плечами и ловлю его довольную мину.

– Так это же круто, – не скрывает он радости. Говорит так убежденно, что внутри тепло становится. – Значит, непременно еще с тобой пересечемся.

Подмигивает.

– Обязательно, – киваю и усмехаюсь, когда Рита добавляет.

– Беги уже, донжуан, а то твои матрёшки Киру гневными взглядами прожгут. А мне моя подруга нужна живой и невредимой.

Мысленно соглашаюсь с Маргаритой, так как парни из компании Пыжова начинают улюлюкать, а девчонки громко стонать.

– Да, пора, – соглашается Слава и отшагивает от нашего столика спиной вперед. – Хорошо вам отдохнуть, красотки. Если кто приставать решится, сразу звоните, приеду, уши откручу.

Взмахивает на прощание рукой и уверенной походкой устремляется к своим ребятам. Еще минуту спустя шумная толпа со смехом и криками вываливается на улицу, и в помещении сразу становится значительно тише.

– М-да, а мелкий-то подрост, – замечаю, потирая место, к

которому Славка, решив меня разыграть и напугать, прикасался ключом.

– Даже спорить не буду.

Переглядываемся с Ритой и весело смеемся.

Остаток этого вечера проходит в разговорах и воспоминаниях. К счастью, нам никто не навязывается, хотя к тому моменту, когда собираемся уходить, в ресторане не остается свободных мест.

Довожу подругу до дома около одиннадцати, а в половине двенадцатого уже ложусь в свою школьную кровать. Первый день в родном городе подходит к концу.

Глава 8

КИРА

– Доброе утро, дядь Женя, – здороваюсь с одним из работников отцовского автосервиса, на полном ходу влетая в широко распахнутые ворота бокса.

С самого рассвета на улице пасмурно, дождь льет как из ведра. А из-за сильных порывов ветра еще и косой, отчего не знаешь, с какой стороны прилетят колючие брызги. Поэтому путь от машины до ангара проделываю бегом, не желая вымокнуть до нитки, и петляя как заяц, чтобы не наступить в образовавшиеся тут и там большие лужи.

– О, Кирочка, привет-привет! – невысокий пухленький мужчина в сером засаленном комбинезоне поверх желтой футболки выныривает из-под капота Лексуса и одаривает меня теплой улыбкой. – С приездом, дорогая.

– Спасибо.

Отзеркаливаю его мимику.

Дядю Женю Лыкова я знаю столь же хорошо, как Сан Саныча, так как работает он в сервисе не многим меньше Ветрова. Так что можно сказать, такой же почетный сотрудник этого места. А еще в детстве всегда угощал меня конфетами, когда я к папке прибегала. Хотя и в молодости тоже подкармливал.

– Ты масло менять приехала? – уточняет мужчина, от-

кладывая инструмент в сторону. Вытаскивает из нагрудного кармана давно выдавшую вторую молодость тряпицу и, вытирая руки, подходит ближе. – На-ка, держи.

Словно фокусник, извлекает из недр униформы чупа-чупс и всовывает мне в ладонь.

Ну вот опять!

Благодарю, стараясь не рассмеяться. Удивил, так удивил. И ведь не поймешь: у него неиссякаемые запасы сладостей на все случаи жизни припрятаны, или специально для меня подготовился?

Хотя, в любом случае приятно. Даже пасмурный день сразу светлее становится.

– Ага, масло. Папа предупредил, значит?

Вопрос риторический. Кроме батьки некому, факт понятный. Но ответ все равно следует.

– Точно так, Кирочка. Аркадий Львович еще вчера вечером Санычу звонил. А тот уже нам с Рыжим наказ с утра передал, – раскрывает всю схему взаимодействия дядя Женя. Следом добавляет. – Я тебя позже сегодня ждал. К вечеру где-нибудь.

Ловит мой вопросительный взгляд и, ухмыляясь в усы, поясняет:

– Думал, раз в отпуск приехала, так до обеда как минимум отсыпаться будешь, – подмигивает. – В такую погоду покемарить самое оно.

– Это, да, – соглашаюсь, проглатывая желание поправить

про его «отпуск». Ни к чему грузить нюансами пусть знакомого, но все же постороннего человека. Зато про возможность поспать подольше замечаю. – Я б и рада была подольше, да организм, как в насмешку, уже в восемь утра решил начать бодрствовать. Так что давно на ногах прыгаю. Успела и завтрак батеньке приготовить, и в больницу к нему съездить. А уж после к вам рванула.

– Молодец дочка. Уверен, Аркадий рад, – произносит дядя Женя с таким чувством, будто гордость за мой поступок испытывает, и, следом посерьезнев, уточняет. – Как он там, Кир? А то Саныч ничего толком не говорит.

– Нормально вроде. Бодрячком. Правда, сначала думал, что я ему привиделась, – усмехаюсь, вспоминая папино лицо при встрече, и вкратце пересказываю озвученный Ритой прогноз лечения и сроки.

– Эх, надолго пропал. Но, главное ж, вылечиться.

Соглашаюсь, после чего рассказываю и про отдельную палату, которую хотела ему организовать. И про то, что батенька категорически отказался.

– Одному-то скучно, – поясняет мне Лыков решение отца. – А тут всяко поболтать с кем-то можно. Ну или просто других послушать.

Я лишь плечами пожимаю. Может, и прав. Мне главное – чтоб родному человеку лучше сделать, а не свою линию гнуть.

– Проведать-то его можно?

Киваю.

– Можно, конечно, дядь Жень. Только в приемные часы идите.

Испытывая радость, что у папки есть группа поддержки – с работы мужики и соседка, обещавшая пирожков напечь – рассказываю про расписание и то, что можно захватить с собой.

Выслушиваю от Лыкова слова поддержки и все же уточняю по машине:

– Дядь, Жень, если я невовремя, могу позже приехать. Мне не критично.

– Не-не-не, дочка, ты что, – отмахивается он без раздумий. – Какое невовремя? Сейчас Рыжий вернется, он на пять минут отскочил, и сразу твоим красавцем займется.

– О, здорово.

Натянувшаяся внутри беспокойная нить разом отпускает. Остаться без колес даже на короткое время – дико. И не потому, что дождь, а я без зонта. Это ерунда. А потому что привычка – дело такое... привычное.

– Как, кстати, твой мерин поживает? Довольна батькиным подарком? – интересуется мужчина, подходя к выходу из ангара и остановившись на границе, куда не долетают капли дождя, но можно видеть моего четырёхколёсного красавца. – Помню, когда Львович тебе тачку выбирал, так десятки вариантов перебрал, пока лучший не нашел. Мы еще всем сервисом плюсы и минусы обсуждали, а он сказал, что эта мо-

дель в плане безопасности идеальная.

Лыков хмыкает, припоминая прошлое, а я легко представляю, о чем он говорит.

Папка никогда ничего на отшибись не делает, ко всему с умом подходит. Вот и мою машину не ради понтов выбрал, как тот болван на заправке подумал, а потому что обо мне беспокоится.

– Очень довольна, – говорю без раздумий и тут же припоминаю про мелкую аварию, связанную все с тем же психом. – Дядь Жень, а вы заодно бампер мне не глянете? Там черкотина откуда-то взялась. Может, получится как-то ее ликвидировать?

– Гляну, Кир, не переживай. А черкотина, так может, кто специально тебе ключом по машине шаркнул. Завистников кругом много. Сигналка могла на легкое соприкосновение не сработать, потому ты и не в курсе.

Вообще-то в курсе, оттого и слегка краснею. К счастью, Лыков отвлекается и этого не замечает. В бокс через внутреннюю дверь для персонала заходит Пашка по кличке Рыжий, получивший свое прозвище из-за огненной кудрявой шевелюры, которую во время работы собирает в хвостик на макушке.

– Привет, Кир.

– Привет, Паш.

– Рано ты.

– Ну да.

Перебросившись с ним парой фраз, отдаю брелок от машины, а сама через небольшой коридор иду в комнату отдыха. В сервисе и такая есть. Небольшой закуток с диваном и телевизором, но, главное, с аппаратом, который готовит очень даже вкусный кофе.

Я уже почти миную коридор, боковое ответвление которого ведет к лестнице на второй этаж, где, собственно, и располагается отцовский кабинет, когда до слуха долетаю обрывки разговора.

– ... сделаю, как обещал.

– Ты обещал справиться быстрее. Но уже четыре дня прошло, а документов так и нет.

– Потому что там, где они всегда лежали, их не нашел. Но я достану. Думаю...

– Шефа не волнуют детали. Срок три дня. Понял?

– Понял-понял.

– Смотри, Саныч... иначе...

Напряженная тишина, а следом глухой топот ног. Несколько человек начинают спускаться по лестнице.

Без раздумий подрываюсь с места, где застыла, непроизвольно грея уши, и, стараясь идти беззвучно, ускоряюсь к закутку.

Еще не хватало попасться на подслушивании. Стыдно будет.

Мало ли какие там дела у Ветрова. Его голос я сразу узнала, а вот второго, говорившего с ярким южным акцентом и

упоминавшего какого-то шефа – нет. Но не суть.

В комнате отдыха шагаю напрямик к кофейному аппарату. Слегка подрагивающими пальцами тыкаю по кнопкам и выбираю горячий шоколад. Закидываю монеты в денежный отсек и чуть вздрагиваю, когда, громко фыркнув, аппарат принимается гудеть, выполняя заказ.

– О, какие люди к нам пожаловали. Здравствуй, милая. Оборачиваюсь.

Слегка притормозив на пороге, Сан Саныч раскидывает руки в стороны и начинает приближаться.

– Ох, Кирочка, ты ж еще краше стала. Куколка просто.

– Ой, дядь Саш, не придумывай, – отвечаю ему в тон, растягивая губы в улыбке и позволяя себя обнять. – Я тоже рада тебя видеть.

Сама же бросаю взгляд на тех, кто шел следом за папиным помощником. Двое мужчин лет под тридцать пять. Смуглых. Опасных. С колючими холодными глазами.

Именно это приходит в голову, когда мы на секунду пересекаемся взглядами. А после они, не говоря ни слова, уходят прочь.

Глава 9

КИРА

– Значит, говоришь, насовсем вернулась?

Сан Саныч, как и я, приготовив кофе в аппарате, занимает свободное кресло напротив и с протяжным стоном вытягивает ноги вперед.

– Верно.

– А что так? Питер разонравился?

– Да нет. Все так же мил сердцу.

– Климат не подошел? Дожди замучили?

– Не знаю, вроде нормально всё. Погода, как погода.

Честно, даже особо не задумывалась, пока он не озадачил.

– Аллергия?

– И аллергии нет.

– От темпа города что ли устала?

– Нет, я люблю движ. Да и Питер – не Москва. Вот где реально скорость рулит.

– С парнем, выходит, поругалась? – усмехается, пристально следя за моей реакцией.

Качаю головой и озвучиваю собственную версию возвращения:

– Просто по отцу соскучилась.

Ловлю полнейшее недоумение, которое мой собеседник и не старается скрыть, и... всего-навсего пожимаю плечом.

А что он хотел? Признаний? Покаяния? Или целой исповеди?

Зря.

Может, отец с Ветровым и любит откровенничать, их дела. Но для меня папин помощник – всего лишь папин помощник, раскрывать карты которому, объясняя, что да как, не вижу ни единой причины.

Родному человеку лишнего не выдала, а уж постороннему дяде не собираюсь и подавно.

– А за вещами когда поедешь? Тебе ж квартиру сдавать там нужно?

Прикусываю губу, на секунду прячу глаза за ресницами, и мысленно качаю головой.

Вот же любопытный Варвара. Никакой меры в нем нет.

– Я сразу с собой всё захватила, Сан Саныч, когда уезжала. И с жильем вопрос тоже закрыла, – прячу улыбку за стаканчиком с кофе.

– А по работе разобралась? Офис, работники, все дела...

Боже, да когда ж он успокоится? Уже ни в какие ворота его любопытство не влезает.

– Все дела тоже прибрала. С работниками рассчиталась.

Жду новых расспросов, но невероятно: Ветров, кажется, выдыхается.

И вроде сидит, улыбается, демонстрирует открытость и доброжелательность, а у меня впервые закрадывается мысль, что за его улыбкой скрывается пустота. И некая холодность.

Может, случилось что?

– Ух, и шустрая девица, – выдает он в итоге после короткой паузы. А сам всё смотрит и смотрит. Будто насквозь просверлить хочет.

Да ну бред в голову лезет.

Отмахиваюсь от непонятно откуда возникшего ощущения двуличности мужчины и тянусь к мусорному ведру, чтобы выкинуть пустой стаканчик.

– Сан Саныч, – вспоминаю, о чем хотела с ним переговорить при встрече, – я же теперь здесь обитаю. Так что, если какие вопросы по один-эс-ке возникнут, ну, или с налоговой затык случится, вы не стесняйтесь, сразу мне звоните. Подъеду, помогу, проконсультирую.

Кивает, всё так же внимательно разглядывая.

– Хорошо, Кир. Спасибо. Буду иметь ввиду.

Открывает рот, явно желая еще что-то добавить, но, как и я, отвлекается на топот приближающихся шагов. А пару секунд спустя на пороге комнатки возникает Рыжий.

– Кир, всё готово. Можешь принимать работу, – отчитывается парень и протягивает мне правую руку, на указательном пальце которой висит брелок мерседеса.

– О, класс. Быстро вы справились.

Растягиваю губы в улыбке, подсакивая на ноги и переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Приближаюсь к Павлу и забираю свои ключи. В душе же ликую, что допрос с пристрастием, наконец, завершился.

Хорошего Ветрову помаленьку. А то, судя по настенным электронным часам, он меня почти сорок минут мурыжил. Хотя по внутреннему секундомеру я думала будто несколько часов. Такая усталость накопилась.

– Пойдем тогда, – обращаюсь к Рыжему и веду подбородком в сторону выхода.

Он согласно кивает, а я оборачиваюсь к временно выполняющему обязанности отца мужчине, чтобы попрощаться:

– Была рада повидаться, Сан Саныч.

– Я тоже, Кир.

И вроде бы все уже обговорили. Я даже в коридор выйти успеваю и на Пашку переключиться, уточняя, заменил ли он воздушный и салонный фильтры, как Ветров вновь о себе напоминает.

– Кир, забыл спросить, а ты к отцу завтра утром или вечером пойдешь? – доносится мне в спину.

Притормаживаю, оборачиваюсь, давая тем самым себе время, чтобы подумать. Но в итоге просто пожимаю плечами:

– Хм, не знаю пока. А что?

– Да так просто спросил.

– Да?

– Ага. Не бери в голову, – отмахивается он резко. – Ладно, давай. Беги.

Я еще недоуменно хлопаю ресницами, а Ветров уже как ни в чем не бывало утыкается в телефон, полностью меня

игнорируя.

Вот же странный.

Мысленно махнув рукой на его тараканов, возвращаю внимание Пашке и интересуюсь своей машиной. А спустя десять минут узнаю, что мой любимый четырехколесный друг в полном порядке. Масло поменяно, фильтры тоже, уровень в норме, как и колодки, омывайка залита до максимума и даже царапина надежно ликвидирована.

– Дядь Жень, ты – настоящий волшебник, – хвалю авто-слесаря, разглядывая идеально гладкий бампер.

Павлу чуть раньше я тоже успела отвесить несколько душевных комплиментов, пока он не сбежал заниматься новым клиентом, приехавшим по записи.

– Ой, да что там такого было-то, Кир. Так, мелочи, – отмахивается Лыков, но я отлично вижу, что он рад похвале.

И она оправдана. Оба отцовских сотрудника умудрились сделать для меня максимум полезного за очень короткое время. И пусть за мерсом я стараюсь следить, но моя оценка технического состояния машины и мнение специалистов – все же разные вещи.

Им я доверяю больше.

– Если еще что понадобится, не стесняйся, Кир, приезжай, – напутствует дядя Женья, когда собираюсь уходить. – Мы с Пашкой всегда поможем, даже без звонка Львовича.

Имеет ввиду отца.

Киваю ему, в сотый раз «спасибкаю», машу рукой и вы-

бегаю на улицу.

Дождь на время перестал, но кругом всё залито. Миную водные преграды, заворачиваю за угол здания и лишь на секунду притормаживаю перед большой лужей, раздумывая, где лучше ее перескочить, как мимо проносится черный лексус и окатывает меня с ног до головы.

Раз. И я стою, обтекаю.

Даже на щеку попадает.

– Придурок ненормальный! – гневный возглас слетает с губ, а следом появляется огромное желание догнать бестолкового идиота, вытащить из машины и хорошенько макнуть его рожей в ту самую грязь, что теперь обосновалась на мне.

Может, хоть так ум в голове появится?!

Но вместо этого я, словно заторможенная, так и стою на месте и с неким недоумением рассматриваю некогда голубые джинсы и светлую футболку с длинным рукавом. Новенькие, чистенькие, хорошенькие вещи всего минуту назад... теперь стараниями болвана на лексусе выглядят как шкура далматинца...

Я вся в темно-коричневых пятнах и разводах. Мокрая ткань липнет к коже. От противных ощущений пробирает холодом, непроизвольно ёжусь и всем телом вздрагиваю, когда совсем близко, над головой, раздается...

– Девушка, простите, пожалуйста, я вас сразу не заметил.

Оказывается, хозяин лексуса не умчался прочь, а сдал назад, решив извиниться. И сделал это так тихо, что я, пребы-

вая в прострации, не заметила.

Вскидываю голову вверх, раздумывая, сразу принять извинения одумавшегося водителя или сначала отчихвостить за безалаберность, а лишь после принять, но в итоге делаю нечто иное.

Вытаращиваю глаза.

– Ты?! – восклицаю, встречаясь взглядом с татуированным засранцем с заправки.

– Ты?! – вторит он мне, как послушное эхо.

Прощать такого? Да он специально все сделал!

Отомстить решил. Вот паршивец.

– Кусок идиота! – рычу, сжимая кулаки.

– Истеричка! – припечатывает он, прищуриваясь.

Я?

С чего это я истеричка? С того, что он меня же и окатил грязью?

От шока замираю, только воздух хватаю губами, а татуированный, вместо того чтобы свалить в туман, вдруг предлагает:

– Садись, недоразумение, домой тебя отвезу.

– Да иди ты к черту, вод**Я**тел!

Наконец обретаю голос и тут же им пользуюсь. Указываю конечное направление и, гордо вскинув подбородок, удаляюсь прочь.

Глава 10

КИРА

Остаток дня благодаря мерзкой погоде провожу дома.

Чтобы успокоить нервы и расслабиться, набираю себе горячую ванну, добавляю побольше пены с ароматом сицилийского апельсина, включаю на телефоне любимый плейлист и погружаюсь в воду по самую шею.

Прикрываю глаза, сосредотачиваюсь на музыке...

Мне хорошо...

Я спокойна...

Спокойна и ленива, как удав. Неторопливый, вальяжный, пресыщенный...

Глубокий вдох, медленный выдох...

Да к черту!

Какой удав?!

Скорее уж дикая кошка с подпаленной шерстью! Хочется шипеть и царапаться.

А всё потому, что за закрытыми веками, сколько не прогоняю, вновь и вновь возникает ехидная рожа татуированного и...

Весь релакс идет по боку. Накрывается медным тазом. Схлопывается, как мыльный пузырь.

Я киплю. Киплю. И киплю.

Странно, что вода, в которой отмокаю, еще не бурлит.

Внутри-то у меня уже гейзеры взрываются.

Да уж, стоит признать: новая стычка с нахалом с заправки, уже вторая за пару суток, бесследно не проходит. Не могу отпустить ситуацию.

Хочу, но не могу.

Кручу ее в голове и так, и эдак. Строю мысленные диалоги, подбираю дерзкие ответы, жесткие отповеди, колкие взгляды, едкие реплики. Чтобы доказать этому несносному человеку, что я не недоразумение, как он меня назвал.

Я – девушка. Гордая, прямолинейная и умеющая за себя постоять. А если доведет, то и в глаз дать... ну или хотя бы попытаться.

А то придумал тут.

Боже, вот же меня кроет.

Выгнувшись в спине, запрокидываю голову и погружаюсь в ванну так, что на поверхности остается только нос. Выдерживаю в таком положении около минуты и сажусь нормально.

Вода отхлынывает в стороны, ручейками скатывается по телу, мокрая грива волос тяжестью оттягивает голову назад, в ушах немного звенит.

Зато получается переключиться.

Провожу влажными ладонями по лицу. От носа к волосам. Раз. Другой. И с тихим стоном откидываюсь на резиновый валик.

Надо к маме на кладбище будет...

Додумать мешает телефон. Оборвав мелодию, он на пару секунд замолкает, а после раздражается привычной мелодией, установленной на входящие звонки.

Нахмурившись: вдруг, что важное, перегибаюсь через край ванны, тянусь к полотенцу и наскоро вытираю ладони.

Хватаю с тумбы гаджет, смотрю на экран и замираю.

«Женя»

Брат? Не брат?

Сомнения раздирают душу.

Что бывшему любовнику от меня надо? Мы ж, так сказать, уже разобрались. До сих пор запястье побаливает, а перед глазами стоит его перекошенная бешенством морда.

Или не все угрозы еще высказал? Нашел, что добавить?

А я, идиотка, с какого фига не внесла его в ЧС? Знамо с какого. Тупо забыла. Без всякой задней мысли и надежды что-то воскресить. Просто этот псих после «разборок» мне ни разу не звонил, а я с головой ушла в срочные сборы и побег, вот и упустила возможность что-то сделать.

А теперь.

Взгляд сам собой мечется, не находя, на чем зацепиться. Ах нет, снова цепляется за синяки. Да так, что теплая вода в ванне не помогает. Тело покрывается мурашками.

А ведь он даже не считался с силой, когда меня хватал и швырял. Будто надоевшую игрушку. Гордость я его, видите ли задела, когда решила жизни поучить.

Сглотнув ставшую вдруг вязкой слюну, собираю всю сме-

лость и смахиваю большим пальцем зеленую стрелку.

Ненавижу неведение. Да и зная Лазарева, лучше ему ответить. Иначе даже заброс в ЧС не поможет.

– Слушаю.

На удивление голос звучит ровно и ничем не выдает бури эмоций, взвихряющейся в груди.

– Ты где?

– Дома.

– Врешь!

Рык в первую секунду пугает, а спустя еще мгновение страх уходит. Я в настоящем доме. Родительском. В безопасности. А этот мудака за семьсот километров от меня.

Так что...

– Ошибаешься, Евгений, – позволяю себе ухмылку, – по вранью это ты у нас мастер. Жаль, раньше не знала, что даже черный пояс по пи..дежу у тебя есть.

– Кира!

Старается осадить.

Не действует. Но все же эмоции гашу, когда интересуюсь:

– Лазарев, что тебе надо?

Лучше выяснить это поскорее. Нет у меня желания затягивать с ним разговор.

– Поговорить. Я был не прав. Слегка погорячился.

Надо же... слегка. Смотрю на запястье, а затылок, как по заказу, простреливает фантомной болью. Будто я снова врезаюсь в стену.

– В какой конкретно момент погорячился, Евгений? Когда швырял меня? Или когда пытался изнасиловать? А, может, когда уничтожал моё дело?

– Прости... – не успеваю проникнуться коротким извинением, как следует железобетонное продолжение, – но ты сама меня вывела.

– Хах! – от такой наглости не удастся сдержать смешок. Ох ты бедненький.

Сходи, жене поплачься. Уверена, Люба тебя пожалеет. Зажмуриваюсь и качаю головой. Бред. Какой же бред, а? А еще в этот момент мне становится безумно жаль не себя и своё просранное впустую время на *не-мужика*, а жену Лазарева. Вот кто реально попал, так попал. Потому что эта милая женщина реально своего кобеля-мужа любит.

Любит. Всем сердцем. А он...

– Кира, я хочу тебя увидеть. Обещаю, мы поговорим спокойно. Я тебя больше не обижу. Девочка, ну, ты чего? У нас же все хорошо было. И будет дальше.

– А жена?

Не то чтобы я реально думала о продолжении, упаси боже от мудака. Мне Любу жалко.

– А что жена? – судя по голосу, Лазарев хмурится. – Жена была и будет. Она для статуса мне нужна. Я ж не рабочий с завода, сама понимаешь. Уровень. Статус. Обязанности.

О да, конечно. Разве ж такое забудешь, когда Женечка напоминает.

И как я раньше это мимо ушей пропускала?

Да потому что наивной влюбленной душой была. Слепой тетёхой. Припечатываю, не жалея собственной самооценки.

– А ты для души, Кир. Для сердца ... – продолжает тем временем бывший, не услышав от меня никаких возмущений.

Да и кому нужны эти возмущения, если разобраться?

Ему – не услышит.

Мне – тоже нет.

Я и так итог знаю. Его и озвучиваю.

– Не выйдет, Евгений. Встретиться и поговорить не выйдет. Продолжения тоже не выйдет. Ничего у нас с тобой не выйдет. И нас тоже больше нет. Схлопнулись. Так что будь любезен, сделай хоть что-то в этой жизни правильное – удали мой номер телефона и больше никогда не ищи.

– Кира, не глупи! Где ты? Я приеду и...

Не дослушиваю. Ни к чему.

– Далеко я. Так далеко, что твои руки вряд ли сюда дотянутся, – припечатываю, добавляя в голос резкости. – Прощай, Лазарев.

И больше не затягивая, скидываю его звонок и заношу номер в черный список.

На душе сразу легко становится и спокойно... и вот теперь я практически удав.

Глава 11

МАКСИМ

– Да, умница... – удерживаю рукой светлую голову, работающую в районе моей ширилки.

Пухлые губы, с наслаждением причмокивая и постанывая, скользят по члену, насаживаются до максимума, стараюсь доставить мне наивысшее удовольствия.

Откинувшись на кресле, упираюсь затылком в подголовник, опускаю веки и сосредотачиваюсь на ощущениях.

М-м-м... хорошо...

Горячий влажный рот Алисы всасывает и вылизывает мой ствол с таким усердием, будто она не минет делает, а госэк-замен сдает, и от того, насколько хорошо справится, зависит ее жизнь.

Вспышкой молнии перед мысленным взором снова мелькают серо-зеленые, слегка раскосые глаза, аккуратный носик, персиковая кожа, похожая на бархат, и розовые губки, растягивающиеся в ехидной усмешке, демонстрируя ровные белые зубы, а затем в ушах снова звучит ее едкое: «Идиот!».

– Сука!

Матерюсь себе под нос и, не жалея Вяземскую, наматываю ее волосы на кулак.

Крепко фиксирую голову и начинаю вбиваться членом в рот до самого упора. Так, что она давится и скулит. Издаёт

хрюкающие звуки и впивается тонкими пальцами мне в бедра, стараясь отстраниться. А не справляясь, оставляет следы от острых ногтей на теле.

Похер.

Сейчас я ее не вижу. Перед глазами стоит ядовитая кобра с жалом вместо языка. И именно ее дерзкий рот я затыкаю своим стояком.

Еще и еще раз. Затыкаю и зверею лишь сильнее.

– Терпи, – немного отстранюсь, давая Алиске вздохнуть, и снова забиваю член в ее глотку.

Двигаю бедрами, представляя вместо светлых волос шоколадные пряди, вместо голубых глаз чертовы ведьминские. Именно их обладательницу я деру, а она смотрит на меня снизу вверх и принимает всё, что даю, до последней капли.

Толкаюсь последний раз, не позволяя девчонке отстраниться, и выстреливаю ей в горло спермой.

– Глотай.

Дожидаюсь, пока она сделает, как я хочу, лишь потом освобождаю ее рот и выпутываю пальцы из волос.

Алиска закашливается, шумно втягивая воздух. Не двигается какое-то время, но отмирает, замечая, как, не глядя на нее, я натягиваю боксеры и джинсы.

– Макс, а я?

Подается ближе, все еще стоя на коленях и вытирая рот ладонью.

– В другой раз.

Опускаю взгляд на ее лицо. Размазанная по лицу тушь, припухшие красные губы, растрепанные обесцвеченные волосы, поволока в глазах.

Нет. Продолжения мне не хочется. Хотя, освободив яйца, голову так и не смог. Внутренний пожар, вспыхнувший три дня назад, а позавчера подкормленный новыми «дровишками», никак не угасает.

Коротит.

– Тебе не понравилось, Макс?

Алиска растерянно смотрит на меня.

– Ты – супер! – подмигиваю ей, улыбаясь, и киваю в сторону санузла. – Иди, приводи себя в порядок, докину до дома. У тебя пять минут.

– А...

– Четыре с половиной, – демонстративно смотрю на часы, – если ты хочешь со мной. Или сама? Ножками?

Выгибаю бровь.

Этого хватает.

– С тобой.

Вяземская срывается с места, несется в туалет, а я подхватываю со стола папку с документами. Через полчаса назначена встреча с новым поставщиком. Старый стал слишком задираť процент, наивно полагая, что он – один такой на свете.

Что ж, пусть и дальше считает. Сесть себе на шею я не позволю. И не с такими хитрожопыми дела имел.

– Алиса, время, – повышаю голос, еще раз взглянув на часы.

И пусть до ресторана ехать минуты три, с заездом к Вяземской примерно семь, не могу дольше сидеть на месте. Интуиция настойчиво поторапливает запрыгнуть за руль и по сильнее выжать газ.

С хера ли?

Не знаю.

Чувствую.

– Я всё.

Девчонка с улыбкой вываливается из санузла, когда я приближаюсь к выходу. Оглаживает упакованное в короткое летнее платье сексуальное тело и медленно приближается, томно покачивая бедрами. Облизывает розовым языком губы, призывно заглядывает мне в глаза и тут же получает новый приказ:

– На выход.

– Ма-а-акс...

– Я опаздываю.

Пятки уже горят.

Хватаю Алиску за плечо и тяну за собой. Автосалон покидаем чуть не бегом.

Мой «прицеп» пытается что-то булькнуть, но я отвлекаюсь. Предупреждаю главного менеджера, где буду и когда примерно вернусь. Получаю заверения, что без моего присутствия справятся, – ну еще бы, тут все такие вышколенные,

мама не горюй – и, выбравшись на улицу, снимаю лексус с блокировки.

Дожидаюсь, когда на пассажирском сидении щелкнет замок ремня безопасности, и ту же секунду трогаюсь с места.

– Макс, что ты решил? Примешь предложение деда?

Сжимаю зубы и мысленно усмехаюсь, чтобы не выматериться.

Последнего хочется больше. Но, как говорится, сам дурак. Надо было держать язык за зубами, а не ляпать по пьяни: ху из ху в этом городе.

У Алиски хорошая память и неумное желание лезть, куда ее никто не просит. Не то чтобы это как-то мне вредило, просто не люблю, когда переступают черту, за которой находится личное.

Сейчас она это делает.

– Не решил, – интонацией даю понять, что тема закрыта.

Вяземская вроде как проникается. Мы покидаем центр города, сворачиваем на набережную, где через двести метров расположен ее дом.

– Слушай, а я вот думаю...

Меня никоим образом не колышет, что она думает, но мат срывается с губ по другому поводу.

– Бл..дь! – рычу, когда замечаю знакомую худенькую фигурку колкой на язык фурии на парковой дорожке.

Какой-то мудака, схватив ее за шею, толкает к дереву и с силой в него впечатывает. Бред, но мне кажется, я слышу

стон ее боли. И похер на музыку, играющую в салоне, и расстояние.

Слышу и всё.

Кожей.

– Максим, что? – вопит Алиска, когда я бью по тормозам.

Не реагирую, резко вывернув руль, сворачиваю к обочине, и, распахнув дверь, выпрыгиваю из салона. Лечу, не чуя под собой ног, перепрыгиваю через кованное метровое ограждение, плюю на тропинку, сокращая прямо по зеленому газону, и все равно понимаю, что опаздываю.

Тощий мутила в темном спортивном костюме пускается наутек, что-то унося в руках, а заноза моих мыслей медленно оседает на землю.

Глава 12

КИРА

Ох, ничего себе за хлебушком сходила. Счастье, что жива осталась.

Стараясь абстрагироваться и вернуть в положенное место трусливое сердце, которое почему-то вместо того, чтобы, как у всех, в момент опасности сбежать в пятки, рвануло к горлу и перекрыло кислород, опускаюсь на корточки и прислоняюсь спиной к стволу дерева.

Ноги, как желе, совсем не держат. Руки трясутся. Тело вибрирует от перенапряжения. Хочется зарыдать, чтобы хоть так выпустить напряжение, сковавшее тело похлеще смири-тельной рубашки.

Но вместо этого закрываю глаза, обхватываю побаливающую шею и стараюсь продышаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.